

**ДМИТРИЙ
СОН**

**МЕГА
ШАБАШИ**

16+

Дмитрий Сон

Мега шабаш

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сон Д.

Мега шабаш / Д. Сон — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Загадочное письмо, в котором говорилось о наследии, в одночасье полностью перевернуло жизнь Ильи. Загоревшись мечтами о чужом золоте, он уже на следующий день, собрав с собой немного еды, отправился в путь. Однако побыстрому разбогатеть Илье так и не удалось. На своём пути он нашёл лишь боль и страдания. А дальше всё стало только хуже. Илью поглотила жизнь, в которой существовали не только люди, но и ведьмы, мечтающие покинуть свои болота и занять главенствующее место на земле.

© Сон Д., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

ДМИТРИЙ СОН
МЕГА
ШАБАШ

1

Потоки людей двигались одновременно во все стороны, так что, куда бы ни шёл Илья, он, казалось, всегда был в самой гуще событий. Особо нетерпеливые, просачиваясь между ним и другими людьми, нередко пихали Илью локтями в бок или скользящим прикосновением тёрлись о его руки. Чаще всего этими людьми были пожилые женщины или спешащие по поручениям своих жён мужчины в летах. Однако случалось так, что рядом сквозь толпу просачивались и весьма симпатичные девушки примерно того же возраста, что и сам Илья. Плюс-минус пара лет от двадцати трёх. От них всегда вкусно пахло духами, которые, перемешиваясь с потом чужих тел, слегка горчили. В такие моменты Илья и сам слегка выставлял вбок свой локоть или бедро. А они все проходили мимо, даже не обращая на эти прикосновения никакого внимания. Просто шли мимо по своим делам, и, возможно, также как и Илья тоже выставляли свои локти и бёдра, поджимаясь к тем, кто им был симпатичен в то мимолётное проходящее мимо мгновение.

Илья тоже шёл по делам. Каждую субботу он на открытом рынке закупался продуктами на целую неделю вперёд. Хотя он уже давно посчитал, что на рынке закупаться куда дороже, чем в магазинах около дома, да и тащить потом рюкзак и пакеты было всегда утомительно, однако, несмотря на все эти неудобства, он каждый раз возвращался к старым привычкам. К толпам народа и знакомым продавцам, а не к бездушным кассирам-консультантам. Но самое лучшее было то, что в летнее время под открытым небом на базарной площади открывался блошинный рынок.

Лучшее место на земле, тут можно было купить абсолютно всё, и Илья так и делал. Всегда на обратном пути пробегал мимо заваленных до отказа стеллажей и покупал «что-нибудь» на оставшиеся средства. Так одна из его комнат и стала уже буквально завалена абсолютно всем, и тем не менее каждый раз находилось что-то такое, что ему было просто необходимо купить здесь и сейчас.

Однажды Илья купил странный коврик себе в коридор, небольшой, всего тридцать на тридцать сантиметров, из шерсти заморского и очень редкого зверя, как ему сказали. Тогда-то Илья и узнал, что даже у дивных заграничных животных обитают вполне «наши» блохи. К сожалению, от коврика пришлось избавиться, так как, как бы он ни старался, от блох, живущих в нём, избавиться, никак не получалось. Конечно, радовало Илью то, что продавец его с радостью принял обратно. Даже несмотря на то что денег обратно ему он тогда не отдал. Но взамен подарил дивную чудо-птицу, правда, с отломленной правой ножкой, что было досадно. Хотя без блох, и это радовало.

Теперь же Илья купил себе просто чудеснейший самовар. Он был просто великолепен! Конечно, стоил он немножко дороже того, на что рассчитывал Илья сегодня потратиться, но не суть, у него имелась небольшая заначка, спрятанная в одной из шкатулочек, обитой красным бархатом. Теперь, конечно, бархат был сильно потёртый и грязный, но пара сотен евро и долларов на тот случай, если евро или доллар пропадут как «репшики», лежали в ней новенькие и хрустящие.

Но это всё не важно, Илью теперь распирало невероятно сильное желание испробовать самовар в деле. Продавец сказал, что вода в нём кипятится очень быстро и вкус чая будет меняться от типа дров, на каких вскипятишь в нём воду. Сам он порекомендовал ему использовать берёзу и кинуть в огонь одну-две сосновые шишки для вкуса.

Это была, по его мнению, лучшая покупка. Ведь всё остальное было больше для красоты, ну, не считая шкатулочек, где можно было хранить что-то ценное, или подсвечники, или столо-

вые приборы... Нет, всё было очень полезным, но самовар был... он был просто великолепен. Даже дали Илье в придачу старый кирзовый сапог. До конца он так и не понял, для чего он был нужен, но главное запомнил – что он как-то идёт в придачу к самовару. Теперь же Илья горел мечтой всё это опробовать в деле. Как всё это работает, а главное, где можно было его разжечь?

На балконе было нельзя. В соседнем доме напротив его квартиры жило сразу три пенсионерки, которым стоило ему лишь высунуть нос из дому, как им всем тут же нужно было срочно выхлопать коврики. Так, на его соседей они уже не раз вызывали полицию, когда те пытались на мангале пожарить себе шашлыков на праздник. Там надзор вёлся за всеми окнами круглые сутки, те бабки были везде и всюду. Они знали всё и обо всех. Так их и называли – вездесущие бабки. Другие их в основном называли по-другому. В основном по-другому Илья их называл «вездесущими». Так что вариант с балконом отметался.

Илья, поставив тряпичные мешки с продуктами, сел на лавочку, а самовар взял себе на колени и продолжал перебирать в голове варианты доступных мест. Вокруг его многоэтажки была куча мест, где можно было спокойно устроить себе пикник и даже, не опасаясь полиции, разжечь себе мангал и самовар, конечно. Но тут Илья боялся не полиции, а тех, кого мог пригласить к себе сам самовар. Ещё не хватало, чтобы у него его отняли и избили ещё в придачу. Нет, тут дело было деликатным и нуждалось в особом месте, которое так и не шло в его светлую голову.

В светлую голову – не означало умную, а, скорее всего, потому что Илья был ярким блондином от природы. Ещё в детстве его мать нередко хвасталась своим подругам тем, что у неё растёт супермодель. Однако та так ни разу Илью ни в одно модельное агентство сводить не удосужилась. Всё ждала, когда пройдут юношеские прыщи на его лице. Которые так и не прошли, а совсем даже наоборот. Росли вместе с Ильёй не по дням, а по часам, и к его двадцатитрёхлетию там уже было совсем всё плохо. Что он только ни делал, точнее, по правде сказать, не делал он ничего. Только где-то слышал, что нужно чаще бриться, тогда кожа на лице огрубевает и прыщи на ней больше вылезти не смогут. Так он и брился изо дня в день, рассчитывая на другой, более положительный результат. Так с модельным бизнесом у него не сложилось, и работал он ночным охранником, как его отец, дед, и прадед, и т. д.

А люди толпами, по-прежнему спеша, пробегали мимо Ильи, совершенно не обращая на него никакого внимания. Илье было очень интересно за ними вот так, сидя на лавочке, наблюдать. Выходило как при просмотре телевизора. Ты их видишь, а о твоём существовании никто даже не подозревает. Вот только телевизора у Ильи, как и у всего остального мира, ещё не было, как и всего остального, что питается от электричества. А всё потому, что и самого электрического тока тоже не было и в помине.

Время шло, уже и голод стал незаметно к нему подкрадываться, а идти домой совершенно не хотелось. Но и где испытать своё новенькое приобретение, Илья тоже придумать так и не смог. Только один крутился вариант в его голове – поехать к родителям. И Илью посетили добрые семейные воспоминания и вкусные мамины пирожки. От одной только мысли в его животе заурчало, а рот наполнился слюной со вкусом капусты. Но, не имея возможности вкусно покушать, его почему-то стало резко бросать в сон.

Илье было бы только за счастье вот так взять и, растянувшись на той самой лавке, лечь да поспать. Часок или два, вот только лучше было так не делать. В городе вообще нельзя было делать ничего, что, по мнению большинства, выходило за какие-то рамки. Рамки, по мнению Ильи, «немыслимого бреда». Вот в чём проблема, почему нельзя спать в парках?

А нет, за такое тебя тут же разбудят дубинкой по спине и на месяц, а то и на три сошлют в трудовые лагеря. Напился и появился на улице в нетрезвом виде? Поздравляем, в следующие прекрасные месяцы тебя ждут километры неспаханной родины. Наступил на улице в собачье говно и крепко выругался? Замечательно, в ближайшее время у тебя появится возможность

высказать своё недовольство тому хозяину собаки, который не удосужился убрать за своим питомцем.

Вся эта утопическая идея «цивилизованного общества» Илью расстраивала. Здесь не стой, туда не смотри, шаг влево, шаг вправо – рудники. А народ, что относился к таким ссылкам попроще, был только рад, конечно. Что им стоило его избить, забрать самовар, а потом съездить на поля картошки как на курорт? Позагорать там с месячишко и, вернувшись с чистой перед законом совестью, наслаждаться дивным чаем из самовара.

– Ладно, нужно идти, – зевая, сказал Илья себе и тяжело поднялся со скамейки.

Две сидящие рядом старушки замолчали и неодобрительно покосились на Илью. Наверно, подумали, что в их время никто сам с собой не разговаривал. Но Илья их взгляды не видел и чужие мысли читать тоже не умел, а поэтому без каких-либо чувств сразу пошёл к торговцу письмами и старыми книгами.

Что-то было захватывающее и неправильное в чтении чужих писем, написанных десять или сто лет назад. Илья каждый раз, читая, как кто-то кого-то любит или ненавидит, желает долгого здоровья и скорейшей смерти, чувствовал себя гаденько. Не то чтобы совсем гадко, но так – гаденько. И так каждый раз, открывая чужие письма, он словно копался в чужом нижнем белье. Однако с собой Илья ничего поделаться не мог. Книги, конечно, он тоже читал иногда. Но вымышленные истории никак не стояли рядом с жизнями и бедами настоящих людей.

Торговец чужими письмами знал Илью уже очень много лет. Хорошо он знал и то, что тот будет, как всегда, долго-долго перебирать его потёртые старые книги с лёгким запахом плесени, а потом всё кинет. Возьмёт охапку писем наугад и, не смотря на них, протянет своё:

– Беру их все.

– Что-то в прошлый раз попало интересное? – с довольно похабной ухмылкой спросил продавец.

Илья, зная, что именно продавец подразумевает под словом «интересненькое», немного замялся. Как, впрочем, и всегда. По правде сказать, в прошлый раз – да, было. И причём в самых ярких красках, подробностях, и расписано всё было необычайно красивым литературным языком. Тут ведь как: если запечатанное письмо неизвестного содержания стоило евро, то «интересненькое» письмо продавец принял бы обратно начиная от десяти. Продавал же от двадцати, и в наличии таких писем никогда и не было почти. Их тут же разбирали с руками и ногами. Илья даже думал: «А не начать ли мне самому всякое такое писать и делать деньги, не выходя из дома?» – но отсутствие какого-либо сексуального опыта ставило его в некий творческий тупик. Поэтому он сам такие письма только собирал и перечитывал. Иногда.

– Нет. Возможно, да. Но я не продаю, – нахмурившись, буркнул себе под нос Илья, не глядя продавцу в глаза.

– Аха-ха, да я знаю, что ты со своей коллекцией ни за какие денюжки не расстанешься. Предложи я хоть тысячу, хоть две! – громко выкрикивая каждое слово, мужчина вырвал из рук Ильи пачку писем. – Итак, что тут у нас? Раз, два, три... Ага, угу, ну, это нет, тут тоже вряд ли будет что-то интересненькое. И тут, и тут. Да, да-а-а... Ну... за всё я хочу семь евросов и яблоко.

– Какие семь? – возмутился Илья.

– А-а-а... Одно письмишко, письмецо неподписанное. Вон, посмотри, старое, грязное. Тыща лет, не меньше, зуб даю!

– У тебя нет зубов, что ты рассказываешь, старый пень!

– Аха-ха... Не-е-ет, прыщавый, е-е-есть, смотри! – мужчина открыл широко рот и во всеувидение показал всему базару свои немногочисленные гнилые зубы.

– Нет, ну зачем?! – Илья тут же отвернулся и закрыл глаза руками. – Что ты творишь? Я теперь не смогу уснуть. Никогда, понимаешь?

– Понимаю, но видел бы ты свою рожу. Моя улыбка тебе бы показалась как у королевы Юльки-шпульки, короткой юбчульки!

– Тебя за такие слова могут на год сослать родину окучивать, – вжав голову в плечи, прошептал Илья и по-шпионски огляделся по сторонам.

– Ай, – отмахнулся продавец, – у меня там вся родня. Ну, ты это письмишко без марки брать будешь или нет? Без него будет, ммм... три евро.

Илья залез рукой в карман и, достав все деньги, рассыпал их на ладони. Было девять беленьких монет. Конечно, сэкономить хотелось ему больше, но перед неподписанными письмами без марок всегда было трудно устоять, так как в них всегда всё было самое интересенькое или не было ничего совсем.

– Эх, – тяжело вздохнув, Илья, с хлопком отсчитав, поставил семь блестящих монеток на сильно заношенную обложку книги «Умиравший лебедь».

– Но-но, не порти реквизит, а то придётся платить, – мужчина быстро поднял деньги вместе с самой книгой и смёл монетки в широкий карман на животе его фартука. – Ну вот, смотри, поцарапал! И кому я теперь её продам?

– Да не тыкай ты ею мне в лицо, отвали! Ничего я с ней не сделал, она уже такой была.

– А-а-а... Такой, да не такой! – цыкнул продавец. – Но да ладно, так как ты мой постоянный клиент, я, милостивый государь, смилуюсь и за два яблока шумиху подымать не буду.

Илья сморщился и про себя выругался, но до другого подобного места нужно было идти целый лишний час. Так что решил, что лучше отдать ему эти два яблока, и пусть катится ко всем чертям.

– На, подавись, – положил два яблока Илья, в этот раз не на книги, а на деревянную поверхность самой лавки.

– Семь евро и одно яблоко за письма, – напомнил продавец. – И два за порчу имущества.

От злости Илья даже скрипнул зубами, а от натуги он почувствовал, как один из его прыщей лопнул на подбородке. Но, больше не говоря ни слова, просто добавил ещё одно яблоко, развернулся и пошёл домой.

2

Квартирка у Ильи была большой и просторной, на шесть комнат, где до недавних пор ещё жила целая куча народа: родители, братья и сёстры, а также бабушки и дедушки обоих родителей. Но когда в городе стало жить совершенно невозможно, так как горожане стали проводить больше времени на государственных полях, чем в своих собственных квартирах, его семья уехала далеко на край за пределы государства, построила там домик и стала возделывать землю.

«Раз уж нужно пахать землю по двенадцать часов в сутки, лучше я буду делать это на своей земле», – сказал его отец, и все, за исключением Ильи, благополучно туда переехали.

Задача Ильи была остаться в городе. Не то чтобы он не хотел ехать. Напротив, хотел сильнее всех. Но, к сожалению, он был единственным, к кому стражи порядка не привязывались, и за свои двадцать три Илья ни в одной ссылке так и не был. Обычно впервые люди попадали на поля в первые школьные годы. А Илья учился как мог исправно и устав не нарушал. Вот по этой причине он и остался тут один следить за квартирой, работать и время от времени собирать необходимый инвентарь и отвозить семье в глушь. И так уже прошло три года.

С семьёй он виделся очень редко, за всё время один раз два брата с сестрой приезжали к нему, и один раз, загруженный как мул, он ездил к ним сам. Правда, его встретили в последнем городе и дальше отправили обратно в столицу. В тот раз он буквально со слезами на глазах молил отца остаться с ними, но его слово оставалось твёрдым:

– Мне нужно, чтобы ты следил за квартирой и в случае необходимости снабжал семью чем потребуется. Не дай Бог мать заболеет или кто-то ещё. Понадобятся лекарства, которых в лесу добыть нельзя. У каждого свои задачи, Илья.

Однако, несмотря на это, Илья на отца не злился, так как знал, что он прав. Да и ему было уже не двенадцать. Оставив сумки с покупками в коридоре, Илья решил первым делом написать письмо родителям. Иначе уже скоро стемнеет, а под светом свечи Илья писать не любил. Итак, едва обтерев ботвой морковь, громко её откусил и, сев за письменный стол, начал писать:

«Дорогой отец. (Тут же перечеркнул и продолжил писать на том же листе.) Дорогие мама и папа, бабушки и дедушки, братья и сёстры. Всем я передаю привет. Дела у меня идут хорошо. (Пауза.) Я по всем вам уже очень соскучился. (Пауза.) Больше рассказывать особо нечего. (Задумчиво Илья посмотрел в потолок и, откусив большой кусок моркови, громко захрустел.) Я знаю, что мы обо всём уже говорили, но я всё равно чувствую себя одиноким и брошенным. Я не жалуясь. Просто я сегодня купил очень красивый самовар, в котором можно согреть чай на всю семью. А я тут один. Вы забрали даже собаку. Мне даже не с кем поговорить. (Илья почувствовал, как к его глазам подкатываются слёзы.) В общем, на это письмо можете не отвечать, так как я завтра возьму отпуск на самую ближайшую дату и еду к вам. Пеките пироги. Только встретьте меня, а то я так и не знаю, где вы построили дом. Сниму номер в гостинице, там она одна, и буду вас ждать. Люблю.

П. С. У меня всё хорошо. Нет, мам, ничего не случилось. Я просто соскучился.

П. П. С. Мам, я серьёзно тебе, блин, говорю. Волноваться не нужно. И бабушкам тоже скажи. Всё, до скорой встречи».

Написав письмо, Илья действительно почувствовал себя одиноким. Он откинулся на спинку стула и с глазами, полными слёз, стал осматривать комнату, предаваясь счастливым воспоминаниям. Когда здесь было многолюдно и шумно, а из кухни всегда пахло едой. Так Илья, даже не доев свою морковь, бросил её на стол и, ловкими движениями сложив письмо пополам, всунул его в конверт и поспешил на почту.

На полпути Илья вдруг резко остановился и, схватившись за голову, задумался, закрыл он входную дверь или нет.

– Закрыл, конечно, закрыл. Вот и ключ даже в кармане, – твёрдо, невзирая на проходивших мимо прохожих, заверил себя Илья. Но такое гаденькое сомнение никуда всё же не делось. И тем не менее ему пришлось продолжить свой путь на почту, чтобы успеть отправить письмо сегодня.

На улице уже вечерело, люди спешили с работ домой, по пути забегая в маленькие продуктовые магазинчики и кондитерские. А на улице вдоль дороги, выложенной битым камнем, важно шагали на своих длинных ходулях «светлячок». Так назывались люди, которые по вечерам ходили по улицам и разжигали большие свечные светильники. В деловом центре города это были изысканные фонари с отлитыми ангелочками, демонами и другим различным зверьём. В районе, где проживал Илья, светильники были более простого исполнения и несли за собой лишь свою первоначальную функцию – освещать под собой круг пути.

Когда-то в детстве Илья мечтал стать таким человеком с факелом и вот так на «длинных ногах» шагать по ночным улочкам и нести людям свет и надежду. Но его отец был охранником, что означало то, что и Илья тоже будет охранником, как и его дети, внуки и правнуки. Изменить свою профессию можно было только в одном случае – жениться на девушке, у которой отец – «светлячок» или принадлежит к более благородному роду. И только в таком случае городской совет мог дать своё добро. На что они шли крайне неохотно и практически всегда во всех своих резолюциях ставили штампик в графе «НЕТ». А в случае Ильи и его вечных прыщей, что оставляли за собой совершенно не симпатичные рубцы на лице, женитьбой поднять свой статус было совершенно нереально. Девушки из семей на несколько ступеней ниже – и те воротили

от него нос. Так что так мечта и осталась только мечтой, а работу охранника Илья терпеть не мог. Охранять то, что ему не принадлежит, его утомляло и злило.

К счастью, на почту он забежал буквально в последнюю секунду до того, как его коллега по охранной службе закрыл на ключ дверь. Это для Ильи была единственная отдушина в его профессии. Практически каждый день на своей работе Илья так вот в последний момент щёлкал перед людьми своим ключом и всё. Спешащие, а чаще всего это были состоятельные и разодетые в модные вещи дамочки, разбивались о закрытую дверь. Кричали на него:

- Ты знаешь, кто мой муж?
- Ты знаешь, кто мой мужчина?
- Если ты сию секунду не откроешь мне дверь, у тебя будут реальные проблемы!
- Всё, я сегодня же напишу жалобу Сергею Андреевичу.

Кто такой Сергей, этот, мать его, Андреевич, Илья знать не знал, но, когда так говорили молодые девицы с открытой грудью навывкат, Илья тут же открывал им дверь, кланялся и извинялся. Конечно, пару раз он позволил себе посмеяться и съязвить через закрытую дверь что-то наподобие:

- Да-да, давай, до свидания, – и один раз обозвал такую деваху тупой овцой.

Всё это было безумно весело, однако после таких шуток у дверей его квартиры каждый раз ждал его сам босс всего торгового центра для элитного хлама и долго-долго на него орал. А после «тупой овцы» ему вообще в совершенно неинтеллигентной форме дали понять, что если ещё раз такое повторится, то он сгниёт в самых дальних рудниках их необъятной родины. Честно признаться, почему в первые два раза ему прокатило, Илья не знал. Обычно ссылали и за меньшие проступки. Но Илья совершенно определённо продолжать и дальше испытывать судьбу не желал.

Перед Ильёй было ещё восемь человек – семь бабок и одна мамаша с орущим грудным ребёнком. Илья надеялся, что эта мамаша пройдет к почтовой стойке следующей и поскорее уберётся со своим мерзким отпрыском подальше. Она даже встала со стула, когда женщина с обвисшими бигудями и ярко-красной помадой на губах громко позвала: «Следующий!» Однако её первой к стойке никто не пустил. Одна бабка с завидной скоростью тоже тут же вскочила и с криками «Я ПЕНСИОНЕР», задев плечом ту самую мамашу, подбежала к стойке первой. А остальные бабки всё оставшееся время громко обсуждали, какая нынче придурочная и неблагодарная пошла молодёжь.

Мамаша с ребёнком была в самом конце очереди, как раз перед Ильёй. Чей ребёнок не замолкал ни на секунду. Илья даже подумал, что если он всё-таки попадёт в ад, то вот примерно как-то так он для него выглядеть и будет. Уставшее, давно требующее ремонта помещение, вечная очередь, и безумные мамы с их орущими детьми, и бесконечные старухи, которые будут всегда лезть впереди него с хрипами и кашлем – «Я пенсионер».

И наконец, когда всё же очередь дошла и до Ильи, он просто кинул письмо на стойку, три евро положил поверх конверта и без улыбки бездушно сказал:

- Нижний край. Срочно.
- Срочно – пять евро.
- Пять? – округлив глаза, изумился Илья.
- У нас новые расценки. Молодой человек, нужно следить за новостями.
- Эм, хорошо. Тогда несрочную доставку.
- Три евро пять копеек, – произнёс рот с ярким окрасом помады.

Илья нахмурился и судорожно стал рыскать по всем своим карманам. Но его карманы были пусты.

- Извините, у меня только три. Пяти копеек нет. Можно завтра я вам их занесу?

– Молодой человек, – громко, с явным удовольствием произнесла женщина, – почта – это вам не благотворительный центр. Если у вас нет денег, то я вас попрошу не задерживать очередь. И здесь вам не приют, покиньте помещение.

– Какие-то проблемы? – вмешался охранник.

Илья тут же обернулся к нему и увидел до боли знакомый кайф. Его глаза, эту едва дружелюбно натянутую улыбочку и то, с какой нервной нежностью тот поглаживает свою дубинку на поясе. Сразу было понятно Илье, что уже не важно, что он скажет. Для охранника удовольствием будет применить силу и вышвырнуть его за дверь. Он только и ждёт этого момента, ему нужен лишь малейший повод.

– Извините, я зайду к вам завтра, – ответил Илья и, глядя на великое разочарование на лице его коллеги, вышел из почтового отделения наружу, где было уже совсем темно и дорогу до дома освещали лишь редкие фонари. Воздух был тоже прохладный, а Илья так быстро собрался и побежал сюда, что даже не накинул ничего на плечи. На нём была лишь серая рабочая рубашка среднего класса, как раз подходящая для его места работы и статуса, чёрные брюки и лакированные туфли. Туфли были очень красивые, но жутко неудобные. Обычно Илья носил их только на работе, но сегодня его сменная обувь была ещё у сапожника.

Когда же Илья наконец добрался до своей квартиры и наконец смог скинуть обувь, это был по-настоящему блаженный момент. От удовольствия Илья даже закрыл глаза и, растянувшись на удобном зелёном кресле, стоявшем в углу просторного коридора, позволил себе уснуть.

О чём он пожалел, когда проснулся посреди ночи в крошечной тьме с болью в шее и жутко голодный. В квартире не было видно абсолютно ничего, и первое, чем Илья занялся, – это стал искать повсюду спички.

В тумбочке у кресла их не было, хотя вот именно из-за таких случаев в ней всегда мать и оставляла пару коробков. Но это было давно. Илья же вспоминал, что нужно что-то сделать, только тогда, когда было уже поздно. На ощупь он добрался до столика, стоявшего в противоположном углу коридора, и проверил и его. Спичек не было и на нём, а вот подсвечник со свечой на нём стоял. По крайней мере, до тех пор, пока Илья его не задел и не опрокинул на пол. Теперь оставалось идти на кухню.

К счастью, вдоль кухни и большой комнаты, прилегающей к ней, окна были от пола до потолка, а на улице молодой месяц как раз выбился из-за туч и своим бледным светом осветил половину мира и полквартиры Ильи.

Теперь Илья увидел сразу все раскиданные им по кухне и комнате коробки спичек. Особенно их было много вокруг деревянной плиты и письменного стола. Но какой-то странный и необычный отблеск мелькнул с края его глаза, и Илья, резко остановившись, стал смотреть вглубь пустой квартиры.

Сперва он подумал, что ему просто показалось. Но в определённый момент, когда в комнатах становилось темнее из-за пролетавшего под луной облака, самовар, стоявший на столе, действительно начинал подсвечиваться.

Илья оглянулся сначала по левую сторону от себя, потом по правую так, как будто хотел убедиться в том, что его друзья тоже это видят, и удостовериться в том, что он не сошёл с ума. Конечно, в комнате он был один, из-за чего почувствовал себя как-то странно, но более решительным, а самовар всё продолжал то загораться слабым зеленоватым оттенком, то полностью затухать.

Аккуратно Илья взялся за ажурные ручки и поднял самовар как нечто хрупкое и очень ценное. В начищенном до золотистого блеска отражении Илья не увидел больше никакого свечения, как бы ни старался, но его собственное размытое лицо было единственным, что отражалось от блестящей поверхности. На миг он подумал, что ему просто показалось. Хотя он

мог бы поклясться, что нет. Задумчиво он вернул самовар на стол и, не отводя от него взгляда, сделал пару шагов назад. И вот снова это зеленоватое свечение!

– Да что за бред?! – выругался Илья, одним прыжком оказался у письменного стола и снова поднял самовар на уровень глаз. И снова никакого свечения.

От злости Илье захотелось швырнуть этот чёртов самовар в стену. Но, подавив свой мимолётный порыв, решил всё же снова поставить его на стол и понаблюдать за ним более внимательно.

Илья отвёл свой взгляд от самовара на стол, где в углу блеснуло зелёным светом одно из купленных им ранее писем и потухло.

– Оу. Так это не ты, – сказал Илья самовару и поставил его на стол так, чтобы видеть одновременно и его, и письма.

Отойдя снова на пару шагов, Илья внимательно смотрел на стол и ждал. Ждать в этот раз пришлось дольше, чем в прошлый. Но это его никак не расстроило, здесь сказывался опыт работы охранником. Илья мог так стоять и ждать хоть целый день или всю ночь. Так что какой-то час пролетел для него гораздо легче, чем для многих – каких-то десять минут. И вот, когда лёгкая тучка налетела на молодой месяц, конверт засветился лёгким зелёным свечением, а начищенный до блеска самовар с лёгкостью подхватил этот свет и как бриллиант засветился со всех сторон.

Илья ничего не сказал и ни о чём не подумал. Только тяжело вздохнул и осторожно, уже не обращая на самовар никакого внимания, подошёл к столу и взял в руки светящийся конверт.

Аккуратно открывая конверт письменным ножом, Илья медленно двигался к большому окну, и чем ближе он к нему подходил, тем свечение становилось ярче. Открыв конверт, Илья вытянул из него квадратный кусок тонкой кожи, на котором светился кривыми буквами написанный текст:

«Люди, они... Пришли за мной и нашими сёстрами. Ты понимаешь. Мы больше не способны бороться. Их слишком много. Я прячу своё наследие в фундаменте маяка у утёса самоубийц. Ты найдёшь его так же, как и это письмо. Теперь, сестра, наши судьбы в твоих руках. Не подведи.

Йана. Освободи нас».

3

Перечитав письмо ещё раз, Илья без особого воодушевления свернул кусок кожи и, всунув его обратно в конверт, кинул его на полку.

– Ерунда какая-то, – хмуро сказал Илья в пустоту. – Сумасшедшая.

И только теперь Илья зажёл пять свечей на подсвечнике. В комнате сразу стало светло и уютно. Тогда при свете свечей Илья снова вернулся к прочитанному письму и, поудобнее усевшись в отцовском кресле, решил перечитать его ещё раз. Но таинственного свечения, как и текста сумасшедшей, не было. Илья крутил этот кусочек кожи и так и этак, но теперь на нём не было написано ни буквы.

«Странно», – подумал он. И, задумавшись, никак не мог припомнить, чтобы он хоть где-нибудь слышал о таких чернилах. Уж в каком-либо из модных магазинчиков для городской элиты такие чернила наверняка бы продавались.

Может, и содержание письма показалось Илье несуразным, но вот если писавший это письмо кинул флакончик с чернилами в сундук со своим наследием, то...

«То... можно нехило на этом подняться, – глаза Ильи жадно заблестели. – Сундук! К хренам эти чернила, может, там и золотишко будет, антикварные ценности, – он снова посмотрел на пустой кусок кожи. – Что-то там она говорила про сестёр. Значит, точно будет куча украшений, брошек, заколок. Бедные наследство не оставляют. Нужно найти этот сундучок как можно скорее».

Илья вскочил со своего места в полной готовности куда-то уже бежать. Вот только куда? – Бла-бла... какой-то там маяк. Что-то там самоубийцы?

И тут до него вдруг дошло. Ему однажды доводилось читать предсмертную записку какой-то женщины, которая писала о том, что сделает это, спрыгнув с утёса самоубийц. Илье не нравились такие письма, а вот другие выкладывали за них кругленькую сумму. Так что он его продал при первой же возможности. Осталось лишь найти нужный маяк.

Насколько он знал, их было всего два. Один располагался, можно сказать, тут, под боком, а вот до второго ему бы пришлось добираться дня два, не меньше. К местному маяку можно было не идти, так как он был построен относительно недавно и никаких утёсов рядом с ним не было. А вот второй маяк... Тот вполне подходил под описание сумасшедшей. Маяк был построен чёрт знает когда, и вокруг него была целая куча красивых, но угрюмых скал, с которых так нравится сигать вниз головой разным сумасшедшим психам.

Илья заулыбался и захихикал. Его настроение заметно улучшилось. Он уже чувствовал вкус богатства, может, не баснословного, но достаточного для того, чтобы уволиться и уехать к своей семье. Даже представил себе такую картину:

Отец: Кто-то должен быть в городе, и бла-бла...

Илья: Да ничего подобного, вот у меня целый сундук золота. Я больше ничего делать не буду. Теперь если нужно, то пусть едет в город кто-то другой.

Отец: Да, сын. Я горжусь тобой. Конечно, теперь мы все можем жить вместе в достатке и благополучии.

По поводу второй фразы отца Илья очень сильно сомневался. Точнее, он бы точно так не сказал. Но сундук с золотом затмил разум Ильи, и он был уверен на все сто, что с ним он уж наверняка решит все свои проблемы. Осталась лишь одна незначительная деталь – этот сундук нужно ещё найти. Но в письме было написано о том, что сундук (а именно так помнил дословно написанное в письме Илья) можно найти так же, как и письмо. А письмо он нашёл. Значит, нужно лишь прийти к маяку ночью, разглядеть зелёное свечение и всё. Золотишко в кармане – жизнь легка и приятна.

На прыщавом лице Ильи с многочисленными рубцами снова засияла широкая довольная улыбка.

Не теряя ни секунды более, Илья стал собирать свой походный рюкзак. А именно сгрёб в него всю еду, которая имела в наличии дома, набрал из-под крана несколько литровых фляг воды. Скрутил рулоном свой походный коврик, на котором сейчас иногда занимался спортом, и был готов уже бежать к своему кладу с сокровищами. Но когда дошло дело до обуви, Илья, сморщившись, внезапно осознал, что в этих туфельках он далеко не уйдёт. Уже на полпути сотрёт свои ноги в кровавое месиво.

Что делать? Спать не хотелось совершенно. Илья стал расхаживать по своей просторной квартире как неприкаянный туда-сюда, то заходил на кухню, то в зал, то расхаживал по пустым комнатам братьев, сестёр и своих стариков. Все эти помещения давно запылились и пустовали. Только его собственная обросла огромным количеством всякой всячины, в основном хламом с блошиного рынка. Но теперь и тут ему было неинтересно. Хотелось поскорее добраться до своего сундука с золотом. И тут, стоя с подсвечником в руках, он придумал, что пока он дома, то может и приготовить еду в свой поход. Не так, как он это сделал час назад, а отварить, посолить и всё такое, чтобы время зря не терять.

Как любил говорить его отец, «Даже стоя на месте, можно двигаться вперёд».

Так он и поступил. Едва не опрокинув полку с различной мелочевкой, Илья ринулся бежать сперва в коридор к битком набитому рюкзаку, а позже вместе с ним на кухню.

В доме напротив одиноко горел свет от плиты, и Илья составил ему компанию. Отец приучил всех делать в печи закладку. Так что и у Ильи на кухне уже через минуту в плите весело играли языки пламени. Пока огонь разгорался, он наполнил водой кастрюлю и закинул

в неё с десяток картофелин и имевшиеся десять куриных яиц. Поставил кастрюлю на огонь, присел на кресло и тут же провалился в глубокий сон.

Ему снился сундук с золотом и родительский дом в лесной глуши. Все были ему бесконечно рады, и каждый находил для себя понравившееся колечко или серёжку, а он ел домашние пирожки с мясом аж с обеих рук.

Так Илья и проспал до полудня, а когда проснулся, вскочив, подлетел из кресла на целый метр.

– Ага, посидел, – сказав, Илья скривил недовольную улыбку и посмотрел за окно.

Погода была ясной и солнечной, а на улице двор жил своей полной активности жизнью. Дети бегали, играя в догонялки, подростки, сбившись в стаю, играли на гитаре, мамы выбивали ковры или следили за своими детьми. Мужчины в светлое время суток трудились на заводах, в порту и на других предприятиях. Или, как сам Илья, только-только проснулись и, зевая, чешут свои животы.

День был потерян, это ясно. Но раз сундук с золотом пролежал там до сегодняшнего дня, то и в ближайшее время тоже никуда не денется.

Или как назло...»

Илья слил воду из кастрюли в раковину и сперва позавтракал. До сего момента он даже не подозревал, насколько он проголодался, и за раз съел треть картофеля и яиц. Зато стало по ощущениям хорошо. Даже лёгкая тревога из-за сундука прошла. Так что теперь можно было забрать обувь и, прикупив ещё еды, отправиться в поход.

Хорошо ещё, что мастерская сапожника была совсем недалеко – прямо в его доме, только с другого конца здания. Да и вообще район был у него что надо. И магазины, и мелкие лавки, мастерские – всё было буквально в шаговой доступности. Так что когда у Ильи выпадали выходные, то в город ходить ему не было и нужды.

Раздражало лишь одно. Тут все знали всё обо всех, и каждый друг к другу обращался по имени. Илья же имена запоминал плохо, можно сказать, что вообще никак, так что выработал свою систему: «та тётка, что торговала в молочке». У неё ещё были такие завитушки странные. И остальных он тоже знал как «ту тётку». Просто и достаточно эффективно.

– Как отец? – поинтересовался сапожник, пока сам беглым взглядом искал ботинки Ильи.

– Классно.

– А мать?

– Тоже.

– Пять лет как они уже перебрались. Или сколько уже прошло? Эм, куда, кстати, скажи? А то одни говорят, что все переехали в другой город. А тогда почему не приезжают тебя навещать? Другие думают, что вы просто разругались. Как такое возможно вообще? Я даже слышал такое, – мужчина, старше Ильи лет на десять, наклонился к нему и заговорщически продолжил: – Что они все якобы перебрались в тайгу из-за твоей матери.

– Да ты что-о... – прошептал Илья. – Серьёзно?

– Люди так говорят, – сапожник серьёзно подтвердил свои слова одним кивком головы. Словно это всё теперь объясняет и доказывает.

– Прикольно, – Илья взял свои готовые ботинки со стойки. – До свидания, – и вышел за дверь.

«Какой мудака», – подумал Илья. (Сапожник подумал об Илье то же самое.)

Конечно, его отец был жутко популярен, всегда такой общительный и запоминающийся. И, как все остальные, знал всё и про всех. Так он и получил ту работу, где сейчас работал Илья. Конечно, работать в таком элитном месте Илья просто лицом не вышел. Но, на его счастье, охранники нужны не только дневные, но и ночные. Но это всё сидело у Ильи в печёнках. Он просто на дух не мог переносить всех этих людей.

«Оу... А ты знаешь, кто я, а ты знаешь, кого я знаю, кто мой муж, жена, любовник и бла-бла...» – поток мыслей захлестнул сознание Ильи по дороге до хлебной лавки. «Все такие разодетые, каждый что-то строит из себя. Сами вы уроды».

Колокольчик в хлебной лавке бодро оповестил девушку с надписью над левой грудью «Ученица». Ученицей она была уже года три и так и будет «Ученицей» до тех пор, пока её мама не уйдёт на пенсию или не помрёт.

– Десять, нет, двенадцать рогаликов. Шесть с маком и шесть с тмином, – сделал заказ Илья, а сам стал косо глазеть на формы продавщицы.

Она это заметила и неприятно скривилась. Рогалики тоже быстро-быстро всунула в бумажный мешок и небрежно кинула его на прилавок.

– С вас шесть...

– Мне ещё одну плетёнку, – быстро добавил Илья.

Такое поведение девушек было для него не впервой. Точнее сказать, только таким оно и было. Конечно, им ведь подавай красавчиков, а если ты «урод», то на тебя и смотреть никто не будет.

– Семь.

Илья достал из кармана одну бумажную купюру и две монетки.

– Спасибо.

Девушка не ответила, и Илья, весь покрасневший как рак, вышел из хлебной лавки. Прыщи на его лице светились, словно сигнальные отражатели в темноте.

Придя домой, Илья уже успокоился, но тем не менее неприятный осадочек всё же остался. Но ничего такого, чтобы впасть в депрессию и, отказавшись от наследственного сундука с золотом, завалиться в постель и плакать. Так что Илья слюни разводить не стал, а как пришёл домой, так, не раздеваясь, уложил всё в свой походный рюкзак по новой и, всунув письмо в карман штанов, прыгнул в удобные ботинки и закрыл за собой дверь.

4

Первым шагом к заветному сундуку с несметными богатствами была поездка в близлежащий городок Ульянов. Со слов Ильи, это было то ещё гиблое место. Все дома как один были сложены из сруба и окрашены цветными красками. Словно там жили одни лишь счастливые люди или наркоманы. И если Илье не нравилось, что дома его все знают хотя бы в лицо, то в месте с населением в десять тысяч или около того шансы на приватную жизнь у людей и вовсе сводились к нулю. И жизнь была там странной, так как единственной работой там была работа на пасеке. Пчёлы, мёд, улы, и даже была профессия, подразумевающая с утра до вечера разрисовывать улы разными рисунками. А тут уж у кого на что фантазии хватало. Это могут быть цветочки, узоры, рыбки или вот хит – пчёлы. Одним словом, сам город и был ульем, мёд, который они и продавали по всей стране, на что и покупали свои цветные краски. Или какие-то там ненормальные препараты. Иначе кто захочет там жить? Ведь, по статистике, там от пчелиных укусов в год погибало людей больше, чем в городах от пьяной поножовщины.

– Ахх, – в очередной раз громко вздохнула женщина, сидевшая в карете напротив Ильи. – Как прекрасно, я так люблю Ульянов, там ТАК красиво. И сам воздух прям медовый. Я аромат этого милого городка чувствую уже сейчас.

«Щас я тебе сниму свои ботинки, и будешь нюхать вонь моих носков. Мымра толстая», – подумал Илья и ещё круче отвернулся от женщины, уставившись в окно повозки.

– И правда, – тут же её поддержала другая женщина в широкой шляпе и солнечных очках.

«Кто носит в помещении солнечные очки? Мудаки или наркоманы, – прокомментировал снова про себя Илья и, еле сдерживая внутренний смех, ещё круче от всех отвернулся. – Трындец, ещё шесть часов ехать в одной карете с толстухами и наркоманами. Эти двое вообще не

в адеквате. Вторые сутки уже сопят в две дырочки. Завидую им, щас бы сам с удовольствием уснул, если бы от этой тряски меня всё время не мутило».

А женщина в шляпке и очках всё болтала о воздухе, экологии, прогрессе, политике и очень-очень много об уходе за кожей, глазами, ногами, и за вторые сутки их совместной поездки Илья узнал буквально всё об эпиляции, причём всего тела, и даже хорошо теперь себе представлял все болевые ощущения от того или иного метода эпилирования.

Так что, когда кучер остановил повозку и проорал себе: «Приехали. Конечная остановка. Багаж и личные вещи не забывать», – Илья из кареты незамедлительно катапультировался и в обнимку с рюкзаком побежал в привокзальный туалет. Мочевой пузырь лопался, как и голова. А ещё хотелось что-нибудь поесть.

Итак, в привокзальной уборной первое, что бросилось в глаза, – это писсуары в форме улыбок, которые воняли как обычные писсуары в общественных местах. Зато вот в соседней забегаловке чёртов мёд был везде. Мясо с мёдом, картошка с мёдом, чай медовый, да даже в простую воду они капали пару капель мёду для вкуса.

– А что-то нормальное у вас есть поесть? Без мёда, я имею в виду, – спросил Илья злым раздраженным тоном.

– Ужас какой, – посмеялась над ним женщина как над дурачком. – Вы из города, да? Надолго к нам?

– Сахарный диабет. Никогда о таком не слышали?

Женщина задумчиво перестала жевать мёд в сотах, а затем, исполнив сосущий звук, выплюнула воск в стеклянную банку и сухо ответила:

– Нет.

– А-а-а, это видно. Ладно, хрен с вами. Дайте мне тогда блюдо дня.

Пауза. Поняв, что у них такого нет, Илья ткнул пальцем в наиболее привлекательные блюда и наименее сладкие на вид. И ошибся он буквально во всём. Даже белый хлеб был буквально пропитан мёдом. Но худшее было даже не в еде – Илью пчела укусила в плечо уже в центре города. А ему нужно было попасть к маяку, пройдя все цветочные луга по пути. Задача предстояла не из лёгких.

А за окном стоял тёплый летний вечер, что многократно облегчало жизнь Илье. Одно дело – идти за сундуком с сокровищами, когда тепло и светло, и совершенно точно оказалось бы сложнее идти в мороз.

Задерживаться в модной по меркам этого «миленького» города гостинице Илья не стал. Как только покушал, так отправился в путь, даже оставил блюдо недоеденным. Местные горожане раздражали круче пчёл. Ведь каждый раз, заходя в кафе, они здоровались с официанткой по имени и все как один спрашивали:

– Что, новенькие приехали?

– Да. Типа горожанин или типа того, – после каждого слова «типа» она издавала тот сосущий звук и хихикала.

Одним словом, Илья был рад остаться один. Конечно, всюду он замечал на себе косые взгляды местных. Но это ничего, на него так косо смотрели и дома. Разница была лишь в том, что там его знали, а тут нет.

Шёл Илья и шёл, сперва покинул символические городские стены. Это был даже не часток, а обычная ограда, какой ограждали загоны для скотины. Просто вбили в землю на приличном расстоянии столбики и к ним наспех приколотили по две доски, одну сверху, другую снизу. Видно было, что забору горожане особого значения не придавали. Ну, конечно, люди не животные – из своего загона не разбегутся. Будут сидеть в нём и в достатке, и в грязи, тепле и холоде. Зубами вгрызутся в свои пожитки, и до смерти никого не выгонишь и сраной метлой.

Илья был рад покинуть городские стены, но его счастье продлилось недолго. Во-первых, дышать было невозможно. От самого подножья города начинались цветочные поля, и прости-

рались они дальше видимости глаз. Илья чувствовал, что у него начинается астма, хотя астмы у него никогда и не было. А дальше это были пчёлы, он никогда даже не мог себе представить, что бывает столько пчёл. Они сидели буквально на каждой цветке и кружили над головой чёрными тучами. Спасало всю ситуацию только то, что его они не кусали.

Видимо, просто потому, что уже темнело и пчёлы становились сонными. Так, идя через яркие цветные поля, Илья встретил закат, и лишь с маленькими перерывами на отдых он дошёл и до рассвета. К этому моменту он наконец-таки добрался до леса, где, особо долго не разбираясь, прилёг на травке и тут же уснул, даже не укусив ни кусочка рогалика и не сделав глотка воды.

Где-то часа через четыре спину Ильи пронзила острая жгучая боль, от которой, заорав на весь лес, он вскочил и спросонья куда-то побежал вглубь леса. Только чуть позже до него наконец дошло, что это он просто во сне накатила спиной на проклятую пчелу.

Паника сразу отступила, ведь первое, о чём он подумал, так это то, что его какой-то местный упырь пырнул ножом. А вот жгучая боль никуда не делась. Так что, вернувшись к своим вещам, Илья, заметив укусившую его пчелу, ползущую по земле, яростно втоптал её своим сапогом.

Посидеть и нормально позавтракать здесь Илья уже не остался всё по той же причине, ведь заметил ещё несколько десятков пчёл. Лишь спустя несколько часов ходьбы, когда все цветочки остались позади, Илья смог присесть и хорошенько перекусить и отдохнуть.

Здесь была прекрасная атмосфера, никаких ярких цветов и жужжания насекомых. Только всепоглощающая тишина. И запахи – Илья никогда не вдыхал такого чистого воздуха. Только сейчас он вдруг осознал, что, всю жизнь живя в городе, всё время дышит потом и грязью с десятков тысяч немых тел.

И так Илья просто сидел на сухом мягком мху и, наслаждаясь каждым вдохом, думал о сундуке с золотом, оставленном той самоубийцей. И о своей новой жизни с чужим золотом. На эти деньги можно будет достроить родительский дом, чтобы никому не пришлось в нём ютиться. Возможно, даже построить рядом ещё один – для рабочих, тогда ему бы даже не пришлось рубить дрова или пахать землю. С чужим золотом можно свою жизнь обустроить достаточно комфортно, и у Ильи всплывали в разуме самые приятные мысли и картинки.

Немножко Илья отдохнул, немножко поел и отправился дальше. Странно, но здесь, в лесу, он совершенно не уставал. Шёл себе спокойно и шёл. По первой, конечно, Илья побаивался, что встретит случайно лесных хищников. Но вскоре и эта мысль его оставила, ведь это был абсолютно необитаемый лес. За все долгие часы своего путешествия Илья так ни разу и не увидел ни одного животного. Наверно, пчёлы или люди всех истребили. Наверное, поэтому у них и не осталось никакого другого выбора, как есть только свой мёд.

Так было даже лучше, однако сам факт того, что люди истребили всю здешнюю живность, Илью периодически напрягал. Но не тогда, когда стемнело. А в лесу стало темнеть гораздо раньше, чем в городе, тогда, конечно, Илья был рад, что живности в лесу нет. Ведь и без зубастых когтистых тварей тут было весьма не по себе. Ведь не было тут человека, что ходит на длинных ходулях, разжигая большие красивые светильники. И Илья вдруг понял, какой пункт он совершенно не рассмотрел, собираясь в свой поход. А именно – он не взял с собой ни одной свечи, а если бы и взял, то зажечь её было бы совсем нечем, ведь и ни одного коробка спичек он тоже с собой не прихватил.

Теперь под кронами деревьев стало совсем жутко, совсем как на кладбище без фонарика. И чем темнее становилось, тем чаще Илье чудились различные звуки и тени за спиной. Так что теперь, пока ещё совсем не стемнело, Илья, забыв об усталости, бежал как на пожар к старому маяку с надеждой на то, что в нём найдётся какая-нибудь старая керосиновая лампа и кремь.

Конечно, сейчас, пробираясь через ночной мёртвый лес, полный страшных звуков и теней, Илья был склонен думать о плохом. О том, что в ночи подвернёт ногу и, падая, свернёт себе шею. О том, что просто переломает ноги и будет ползти на пузе обратно в медовый город, где его просто добьют жужжащие пчёлы-убийцы. Или о тенях. О них Илья старался, конечно, не думать. Но легче от этого ему не становилось, ведь чем сильнее темнело в лесу, тем страшнее в нём становилось.

Но как только Илья на полном ходу выбежал из лесу и, еле успев остановиться, сам едва не улетел с утеса самоубийц, все его мысли о страхах вмиг развеялись на свежем морском ветре. Его сердце билось, покалывая, в груди. А сам Илья теперь скинул с плеч рюкзак, упал на тонкий край сухой пожелтевшей травы, росшей по всей длине, казалось, бесконечного края высоченного утеса, и вздохнул с облегчением.

5

Обняв свой рюкзак ногами, Илья так сидел уже час и не спеша жевал свои холодные припасы. Спать хоть и хотелось, но он всё думал, куда же ему идти. Где находился этот старый, давно покинутый маяк? В его голове было так: он проходит через лес к морскому склону и там видит маяк. Спускается, находит свой сундук с золотом и на следующий день уже богатым человеком возвращается в семью. Однако в реальной жизни всё оказалось немного не так, как он представлял.

Морской утёс был настолько крут и высок, что при освещении одних лишь звёзд он словно стоял на краю бездонной пропасти на краю этого мира. Были слышны лишь редкие, разбивающиеся о камень волны. Такой мирный, тихий и манящий к себе шум прибоя. Глаза Ильи слипались, с каждой минутой все сильнее хотелось спать, а внутренняя паника его всё никак не отпускала. Волнение его раздирало изнутри, словно голодные кошки – пакет с едой. А ветер всё доносил шелест воды, маня Илью к себе:

– Иди к нам, и всё будет хорошо. Иди – и мы омоем все твои переживания, иди...

Слушать эти голоса было невозможно, ведь вся его боль с самого детства теперь выплыла наружу. Но самое обидное было то, что его бросили одного. Вся его семья ушла. Они живут все вместе, они счастливы. А он один, в лесу, и нет ни единой души в округе. А голоса обещали ему заботу, тепло и то, что он никогда больше не будет одинок.

– Чёрт, как же холодно, – вытирая слёзы рукавом кофты с капюшоном, всхлипнул Илья. – Я хочу согреться.

Но вдруг вспомнил о том, что с собой у него нет ни спичек, ни кремня. И по телу побежала блаженная дрожь. Так реагировало его тело на мысль о тёплой летней воде. И вдруг это чувство сдуло ветром как пушинку.

– Холодно, а вдруг и там будет холодно? – хотя голоса твердили ему, что это не так.

Илья откинул свой рюкзак ногой и, словно одурманенный сильным опиумом, пошёл обратно в лес собрать себе в дорогу сухого хвороста, но как только он оказался снова под кронами деревьев, все голоса ушли из его головы. Осталось лишь чувство страха перед тем, что он только что едва не натворил.

– Оу. Вот это да, – выдохнул Илья. – Значит, так это происходит.

Он обернулся обратно к утёсу, и его тело дёрнулось, словно получило разряд тока.

– Ну нафиг! – Илья бросился сломя голову бежать обратно вглубь леса.

Через сто метров дальше бежать он уже не смог. В лесу уже стояла глухая ночь, так что не было видно, куда и ногу ставить. Отсюда всплывали по новой его недавние страхи, где он неизбежно погибает самыми мучительными способами. И одышка, Илья буквально уже не мог продолжать свой бег, он остановился и, оперев руки в колени, стал тяжело дышать.

– Разбогатею – и у меня будет куча времени заняться своим телом и духом, – с трудом выдавил он из себя.

И что было делать дальше, лечь спать прямо тут посреди леса? В своей голове Илья себя ругал как только мог. Ведь свой поход он совершенно никак не спланировал. Отдышавшись, Илья выпрямил спину и лопатками наткнулся на старый сухой сук, что треснул и обломался. А дальше его воображение всё сделало за него.

Илья с криками ужаса и истерики побежал обратно к утёсу. Там хотя бы было светло. А с голосами он уж как-нибудь да справится. И справился. Первые минуты, стоя спиной к морю, а к лесу лицом, в ушах так громко барабанило, что там не только голоса, но и пушечный залп он услышал бы с трудом. А когда Илья понял, что за ним никто не гонится, то успокоился. Даже ничьих голосов, кроме своих собственных, он уже не слышал.

– Итак, – ободряющим голосом сказал Илья, – лево или право? Ты-ы... Найдё-о-ошь моё насле-е-едие так же, как и нашёл моё письмо-о... Нет-нет. Это была красивая дама, а не бабка какая-то. Она была вся в белом платье с сексуальными кружевами в районе декольте и чёрными шелковистыми волосами до попы. Ммм... да, – Илья закрыл теперь глаза и представил, как красивая девушка вся в слезах пишет ему это письмо о своём наследии и позже бросается с утёса непременно головой вниз. Возможно, даже там же, где он сейчас и стоит.

Открыв глаза, перед ним простиралось лишь чёрное море, отражая редкие звёзды и молодой месяц, а левая сторона берега была идентична правой. Вид был умопомрачительный, но так ближе к своему сундуку золота Илья себя не чувствовал. Он думал, что решит, куда ему идти, с утра, после того как поспит. Но полученный им адреналин прогнал его сон, как ответственный сторожевой пёс со своего участка прогоняет кота. А значит, решать нужно было сейчас. И вариантов было всего лишь два: лево или право. Шансы – пятьдесят на пятьдесят.

Илью этот нелёгкий выбор буквально подкосил и сбил с ног. Конечно, ставки были, безусловно, велики.

– Ладно, золото само себя не найдёт, – Илья решительно встал и, набрасывая на плечи рюкзак, ещё раз осмотрелся.

Слева ничего не было, справа тоже ничего, кроме неба и узкой кромки земли, отделяющей лес от моря. Он повернул голову ещё раз влево, вправо, и тут в ночном мраке на какую-то долю секунды блеснула зеленоватая дымка. Показалось Илье увиденное или нет, он так и не понял, однако без долгих раздумий пошёл направо.

И буквально через каких-то минут десять он снова увидел это едва уловимое зеленоватое свечение. В этот раз оно исходило снизу от маленького островка среди чёрной морской глади. Илья знал, что ему нужно туда, хотя эта груда камней мало чем напоминала маяк. Но ведь маяк ему был и не нужен. Только его фундамент, от которого, как и от загадочного письма, исходило то же зелёное свечение. А как было туда спуститься, Илья нашёл ответ на этот вопрос, даже не задавая его ни вслух, ни про себя.

По отвесному, как стена, склону к когда-то действовавшему маяку были вытесаны ступеньки. Они были неширокие, от силы тридцать сантиметров. Кое-какие от времени уже потеряли свой безопасный угол, однако при доле храбрости и отчаяния по ним всё ещё можно было относительно безопасно спуститься вниз. Что Илья и сделал. Правда, ему пришлось оставить свой рюкзак наверху.

А внизу его ждал приятный сюрприз в виде широкой каменной платформы, находившейся сантиметров на пять выше уровня моря. И, более того, от неё к разрушенному маяку вела такая же узенькая, как и ступеньки на подъём, каменная тропинка.

Илья с такой невероятной удачей прямо чувствовал, как он с каждой пройденной вперёд минутой становился всё богаче и богаче. Сердце его возбуждённо колотилось, а сам Илья уже ничего и не замечал, что у него творится вокруг. Он просто бежал вперёд, смотря себе под ноги, до тех пор пока не оказался на самой верхней точке каменистого островка.

Камни на нём отличались, это было понятно даже охраннику элитного базара для богатых. Одни были чёрные и гладкие, а другие – серые и шершавые, что совершенно никак не

вписывалось в местную природу. Так что у Ильи больше не было ни тени сомнения – он там, где он должен быть. Осталось лишь разыскать сундук среди этих беспорядочно разбросанных камней.

На первый взгляд, эта задача была непосильной. Но Илья оказался тут просто потому, что следовал за едва уловимым свечением. Так что сундук или выбитые на камнях знаки он не искал, а просто встал на самой высокой точке острова и, медленно крутя головой по сторонам, внимательно оглядывался в поисках зелёного отблеска.

Час сменялся часом, ночь начала бледнеть, но никакого необычного свечения Илья так и не заметил.

Когда на улице совсем рассвело, Илья, стоя всё на том же месте, сделал зарядку для ног и, прыгнув с камня, своим обычным шагом пошёл обратно на берег. Подыматься оказалось уже не так просто, как спускаться. Хотя при этом голова была всё время задрана кверху и Илья, не видя высоты, как при спуске, всё же себя чувствовал куда спокойнее. А когда он наконец забрался по ступеням вверх, позавтракал парой картофелин и половиной роголика. Забрался на пару метров вглубь леса и в тенике, положив голову на рюкзак, уснул с мыслями о своём сундуке, который ему снился весь день, что он проспал до самого позднего вечера. Точнее, в его снах летали отблески той роскошной жизни, которую можно было позволить себе приобрести только за золото. А когда солнце утратило своё тепло, то и тёплые сны стали также бледнеть. И Илья проснулся, голодный и жадный. Так что, не теряя ни единой секунды, он набросился на свои припасы и, прихватив немного с собой, отправился снова вниз к руинам старого маяка.

Вскоре к нему пришла ночь, а чуть позже спустился на плечи Ильи плотный, как стена, ливень. Но никакого таинственного свечения по-прежнему не было. Было лишь тепло от всё ещё свежих воспоминаний о его снах. И Илья продолжал стоять, как и в прошлую ночь, на самой верхней точке маленького островка, несмотря ни на что. А на рассвете, тогда, когда небо на горизонте окрасилось кровавыми красками, под водой засветился зелёным камень, и вода вокруг него забурлила и вспенилась.

– Я нашёл тебя! – радостно воскликнул Илья и тут же, прыгнув вниз, побежал к разгорающемуся свечению.

Когда Илья подошёл вплотную к воде, та уже бурлила словно кипящий чайник. Но вода была холодной как лёд, и Илья, не снимая с себя одежды, так и прыгнул к свечению.

На мгновение его накрыла волна смертельного холода и ужаса, а перед глазами была лишь зелёная завеса. И не было никакой разницы, глаза были открыты или закрыты. Но едва паника и желание Ильи захотели вынырнуть из воды, как холод стал приятной прохладой в знойный летний день, а ослепительный зелёный свет – факелом во тьме.

Ещё несколько конвульсивных движений рук и ног – и Илья, погрузившись ещё глубже под воду, коснулся дна. То были в основном поросшие скользким илом камни разрушенного маяка. Но только один из всех испускал холодное свечение зелёного света.

Илья дотронулся до него с опаской. Сначала одной рукой, затем другой. Он попробовал его сдвинуть с места, хотя знал, что у него не получится. Камень был слишком велик для него, но едва он за него потянул, как тот тронулся с места и огромный, как оказалось, валун двух метров в диаметре всплыл как сухое полено.

Илья от эмоций и удивления чуть не открыл рот и не выпустил остатки своего воздуха. Но увиденный им на дне сундук тут же вернул ему самообладание и контроль. Не тратя ни молекулы кислорода зря, Илья стал резкими и не очень умелыми движениями отталкиваться от воды, до тех пор пока тот самый сундук не оказался в его руках.

Сундук был тяжёлым. Это Илье понравилось. Ох как это ему понравилось. Он его тут же прижал к своей груди так аккуратно и в то же время крепко, как любящая мать впервые прижимает своего первенца.

На свету в лучах утреннего солнца сундук был не так красив, как на дне моря в своём свечении. Но он был тяжёлым, и это оставалось для Ильи самым главным. Теперь сокровища безумной самоубийцы были в его руках. Осталось только открыть сундук и взять их, а куда потратить, Илья уже знал.

6

Это были кости, в основном ногтевые фаланги, а также в сундуке лежало несколько дырявых мешочков с просыпавшимися человеческими зубами. Одни были всё ещё ровные и белые, другие – чёрные и изъеденные кариесом. Скрученные в маленькие пучки волосы и маленькие глиняные флакончики, содержимое которых Илья и знать не хотел. Голова его шла кругом, а злость и отчаяние проступили на его лице в виде красных и бледных пятен.

«Всё было так хорошо. И таинственное письмо, и свечение, маяк, и даже этот проклятый сундук я нашёл», – Илья пытался собраться с силами и наконец перестать смотреть на мерзкое содержимое сундука. Но не мог. Ведь в нём, на самом его дне, лежала маленькая ржавая коробочка, в которой, без сомнений, лежала ещё одна очередная дрянь безумной самоубийцы.

«Или что-то ценное. Ведь не может всё быть лишь безумной шуткой старой карги», – Илья не сомневался, что это дело рук старой, выжившей из ума, уродливой старухи. Кто ещё мог набить сундук подобным, написать письмо о наследии и покончить жизнь самоубийством?

Наконец Илья всё же собрался с духом и, сметя человеческие останки с крышки маленькой шкатулки, поднял её вверх. Сначала он её покрутил на уровне глаз и осмотрел со всех сторон, понюхал и потряс. Шкатулка пахла тиной, солью и железом, а на слух она была пуста.

«Где родился, там и пригодился», – прозвучали мудрые слова его отца, и мысли о другой жизни одна за другой стали покидать его голову. Совсем как крысы с тонущего корабля.

– Но я не хочу быть где пригодился! – вскричал Илья и, швырнув ржавую шкатулку обратно в сундук с костями и зубами, упал на колени и продолжил бурчать себе под нос:

– Не хочу. Нет. Это не моя жизнь. Мне надоело, – его следующие слова застряли в горле, и длительную паузу Илья смотрел с обрыва самоубийц на старые руины маяка.

Маяк из камня и стали – и тот не выдержал натиска жизни. Изю дня в день морские волны разбивались о его крепкие стены, а он долгие годы стоял себе и стоял. И что потом случилось? Почему он разрушился? Он стал не нужен, его бросили люди, он остался стоять один?

– Как я. Я остался один. Меня все бросили. Они ушли, а я, как и этот маяк, остался сдерживать морские волны. Удар за ударом, год за годом.

Илья резко встал и сделал решительный шаг к обрыву, к месту, где многие до него свели счёты с жизнью.

«Золото, слава и власть. Это так много и так мало. Всегда будет что-то мешать и не хватать. А до абсолютной свободы всегда лишь шаг, – Илья, стоя на самом краю обрыва, закрыл глаза и глубоко втянул воздух через ноздри. – Воздух такой свежий. Почему я этого никогда не замечал? Я не могу умереть, не узнав, что в коробке».

И ему пришлось снова вернуться на колени к раскрытому сундуку. Илья быстро взял в руки ту самую шкатулку и намётанным глазом быстро определил, где верх, а где низ. Щёлкнул маленьким загнутым крючком защёлку и без каких-либо опасений открыл шкатулку настежь. В этот самый миг из неё что-то выпрыгнуло, и не успел Илья сказать и слова, как это «что-то» скользнуло ему в рот. Илья тут же вскочил с колен и в истерике стал тщательно изучать свой рот языком и пальцами обеих рук. Хотя он отчётливо почувствовал, что это «что-то», попав в рот, тут же пошло дальше в горло и живот.

– Что за, что за... – выругался он и тут же бросился назад к той шкатулке. Но она была абсолютно пуста. Только изнутри её стенки были не ржавыми, а белоснежными и гладкими, за исключением множества царапин по всей её поверхности. Будто что-то маленькое, свирепое,

с тонкими когтями было заточено в ней и все эти годы неустанно рвалось наружу. Пока его не освободил Илья и не был так добр, что приютил в своём желудке.

– Да нет, показалось. Ну да, конечно, а что это ещё могло быть? Показалось.

И тут его живот свела одна колючая судорога.

– А-а-а, что за... – но вдруг, почувствовав, как в его желудке что-то плавает, на мгновение затаив дыхание, замолчал. А «оно» там плавало, Илья не знал, что это и как оно выглядит. Но чувствовал, как что-то маленькое с очень нежной кожей плавает в его желудке, словно маленькая рыбка в маленьком аквариуме. Доплывая до одной стороны, нежно касалось стенки аквариума и плыло к другой, снова и снова касаясь своим мягким тельцем внутренних стенок желудка, изучая свои новые владения.

Илья этого выдержать не мог, он быстро сунул два пальца себе в рот, и его незамедлительно стошнило прямо вовнутрь сундука. В следующую секунду Илья без какого-либо отворачивания влез в сундук обеими руками и конвульсивно стал искать среди зубов, костей и прядей волос что-то живое.

Ничего в сундуке не было, как и в желудке теперь ничего инородного не ощущалось. Только тревога и досадное разочарование. И Илья снова оказался на распутье своих тягостных мыслей. Закрыв глаза ладонями, он горестно разрыдался. Теперь к тревоге и разочарованию подмешался резкий запах рвоты, но оторвать ладони от лица не было сил.

Был только один способ покончить с этим. Он был прост, и для этого не нужно было ни родиться в богатой семье, ни учиться или много работать. Илья встал, ноги предательски качались и идти к обрыву совершенно не желали. Но он их заставил, всё же ещё он был капитаном на этом корабле. А при виде острых скал снизу голова поехала кругом, и всё произошло само собой.

«Так просто... – думал он. – Знал бы, что это так просто, сделал бы это уже много лет тому назад».

Илья закрыл глаза и расслабил плечи, руки, пальцы на руках, ноги, мышцы на лице и приготовился пасть в мягкие объятия смерти. Однако они были не столь тёплыми и нежными, как ему бы того хотелось. При встрече с каменными глыбами Илья прочувствовал каждую сломанную косточку в своем теле. От такой невыносимой боли Илья попытался орать во всё горло, но чем громче он пытался, тем на большее расстояние от его рта отлетали капельки его крови.

«Я жив. Но почему?» – в недоумении подумал Илья.

Попытался встать, но не смог. Не смог он также и пошевелить ни одним мускулом в своем теле. И тогда Илья прочувствовал на своей собственной шкуре, что значит паника. Он орал, кричал и ругался, делал всё возможное, чтобы встать, или сесть, или хотя бы пошевелить пальчиком на руке. Ничего из этого у него не вышло. Всё, что было доступно ему на этот момент, – так это адская боль во всём теле и вид на гладкий утёс, откуда он только что спрыгнул.

– Этого просто не может быть. Хорошо. Ладно, ничего страшного, нужно просто немного подождать.

Илья закрыл глаза и безумно обрадовался тому, что у него это получилось. Теперь он лежал на холодных камнях, что изредка обдавала тёплая морская волна, и хлопал веками. Хлоп-хлоп, его ресницы порхали как крылья у бабочки.

– Я живой, посмотрите. Посмотрите же на мои глаза. Я живой.

Только не было никого в округе вплоть до самых цветочных полей. Он оставался лежать на холодных камнях один и почему-то живой. Вскоре Илья перестал так часто моргать. Теперь из его глаз лились ручьём слёзы, добавляя соли в море. И задавался одним единственным вопросом: почему же он всё ещё жив?

Не умер Илья и на закате. В какой-то момент он уснул крепким сном без сновидений, а когда проснулся, это стало для него самым худшим моментом из всех, что когда-либо слу-

чались в его жизни. Он все ещё ощущал каждую кость в своём теле, это была безумная боль. А также к нему вернулись болезненные ощущения в желудке. Только теперь он совершенно точно мог сказать, что там всё же есть что-то живое.

Следующие часы Илья уснуть больше не смог, так что всё, чем он мог заниматься, – это разглядывать крутую стену утёса. Что было совершенно не весело и не интересно. Зато у Ильи появилось, кроме жалости к себе и мечты умереть, ещё страстное желание повернуть голову чуть-чуть левее. Так, чтобы можно было наблюдать за звёздами. Вскоре это желание стало его наваждением. Все его мыслительные и физические усилия были направлены на простой поворот шеи. И в один прекрасный, самый изумительный момент ему таки удалось это сделать. Он смог, его голова повернулась и завалилась в удобную люльку для затылка прямо к началу рассвета.

Из его глаз снова покатались слёзы, но в этот раз это были слёзы счастья. Илья совершенно позабыл о том, что ещё вчера простые движения он воспринимал как должное. Теперь он радовался, как только было способно радоваться его сердце, тому, что он больше не видит тот проклятый утёс.

А через мгновения солнце вышло из-за горизонта. Яркое летнее солнце, которое слепило Илью даже тогда, когда он изо всех сил сжимал свои веки. Через пять часов Илья, кроме огромных ярких пятен, уже был не способен ничего видеть, а к концу дня его лицо обветрилось и обгорело до мяса. Так что, когда ветер забрасывал на него порцию солёного моря, Илья на время забывал о болях в теле и мечтал о тени и мази от ожогов. Так что, когда солнце ушло, Илья испытал настоящее удовольствие, а также поклялся в том, что он больше никогда не будет загорать.

Зато теперь, когда пришла ночь, Илье открывался весь живописный вид звёздного небосклона. И теперь он думал о том, что каждая минута его страданий была ненасправа. Чистое небо, луна и звёзды. О чём ещё может мечтать человек в его положении?

Маленькая слезинка скатилась по его правой щеке. Илья непринуждённо смахнул её тыльной стороной руки и, бессильно уронив руку на грудь, продолжил изучать небо. Но не долго. Когда до него дошло, что он только что сделал, Илью словно подбросило с земли, и он тут же оказался стоять на своих ногах.

Ноги его тряслись, а руки, не зная, что им делать, болтались под своим весом как тряпочки. А на лице поплыла улыбка. Он не знал, чудо это или так оно и должно быть, но точно понимал, что больше здесь, внизу, он не желает быть ни секунды.

Одним неуверенным прыжком Илья оказался на первых ступенях подъёма на утёс. В прошлый раз от одного вида снизу вверх его голова начинала кружиться и подташнивать. Но не в этот раз, сейчас Илья побежал вверх по каменным пологим ступеням, выточенным вдоль утёса, едва касаясь носками ног. А когда оказался на самой вершине, то не чувствовал больше ни страха, ни усталости.

7

Огни города светились на горизонте как маленькие светлячки. Они манили Илью к себе, безумно уже хотелось наконец-то поесть тёплой еды и поспать на чём-то мягче, чем земля. А тем более после столицы цены Илье показались совершенно несуразно низкими. С сундуком золота он смог бы здесь очень неплохо развернуться. Вот только, к сожалению, у него не было этого сундука с золотом. А значит, в понедельник придётся возвращаться на работу и с невесело счастливым видом открывать и закрывать двери столичной знати и всем тем, кто с ней тесно связан.

Но прежде Илья решил не расстраивать себя раньше времени. Снять номер в гостинице и перед обратной дорогой в битком набитой карете как следует выспаться. Помыться тоже ему уже не мешало. Вся эта лесная жизнь, полная приключений, дала о себе знать стойким запахом

пота и грязи. Хотелось всё с себя снять, помыться, и так как он с собой не взял чистой одежды, то и её постирать тоже. А уже потом возвращаться к своей обычной скучной жизни.

Вот появились и первые дома, люди и животные. «Почти цивилизация», – отметил Илья и ухмыльнулся.

Людей было очень мало. В столице в шесть утра уже образовывались первые пробки, а тут только немногие, по всей видимости, недавно только-только проснулись. Одни лениво делали утреннюю зарядку, другие не спеша направлялись по своим делам, волоча ноги, опустив свои головы вниз. Зато собаки – ранние пташки – уже всюду надрывали свои глотки.

Это было ужасно. Собак Илья не любил, можно сказать, даже ненавидел. Вечно они лают и шумят, рычат и воют. Днём и ночью, в снег и дождь. Всегда их слышно, и мимо этих животных Илье идти было страшно, даже если добрые хозяева держали собак на цепи. Всегда был шанс, что цепь порвётся и эта тварь накинется и растерзает его в клочья.

Тут же эти животные жили чуть ли не у каждого дома. А ещё местные всегда делали акцент на безопасности и низкой преступности своего города.

– Мы даже двери не закрываем в своих домах, когда уходим! – говорили они.

Илье не понадобилось много времени, чтобы понять почему. Во-первых, идти им в этой глуши было некуда. А во-вторых, какой ненормальный пойдёт в дом, если дверь преграждает чумная собака чуть ли не с тебя ростом?

Вскоре и люди начали выбегать из своих цветных домиков в поле и громко между собой перекрикиваться.

– Что случилось?

– Пожар?

– Где пожар?!

– Господи, что за безумие. Фу, Бобик, фу, а ну, кому говорят, фу!

– Ничего не пойму.

Тут совершенно внезапно две огромные псины выскочили из-за угла, и если бы не толстые бычьи цепи на их шеях, то они бы уж точно добрались до Ильи, который от испуга отпрыгнул в сторону и, поскользнувшись на грязи, упал на землю.

– Чёртовы псины! – выругался Илья, подымаясь на ноги.

А те самые два чёрных пса с пеной у рта продолжали на него лаять, да так яростно, что, казалось, их выпученные глаза сейчас лопнут. Они кружили, лаяли и, отбегая назад, снова и снова бросались в сторону Ильи.

– Эй, парень, а ты откуда? Где ты живёшь? Ты же не здешний? – то был мужик в годах с обвисшим фермерским брюхом и в штанах на подтяжках.

Илья решил ему не отвечать. Отвернулся и с важностью столичного пижона с высоко задранной головой направился в центр Ульянова.

Теперь Илья стал всё чаще слышать сквозь лай собак вопросы крестьян: кто он, что он тут делает, кто его видел раньше и откуда он пришёл.

Илья был уверен, что ему нечего волноваться. Однако захлёбывающийся лай собак его очень сильно сбивал с толку, и хотелось уже убраться с полей как можно скорее. Ещё и эти местные увязались за ним вслед. Будто бы в шесть утра другим заняться нечем. И эта куча, шепчущая за его спиной о нём, росла до самых символических ворот деревенского города.

– Это он.

– Вот он!

Илья резко обернулся, и местные тут же притихли и отвели от него свои глаза. Но как только он снова от них отвернулся, услышал людской осуждающий гам.

– Не так быстро, парень, – двое солдат из городской стражи преградили ему путь. – Ты откуда взялся такой и куда направляешься?

Вопросы стражи Илью удивили, а ещё больше удивляла сама эта ситуация. «Чего они до меня докопались?» Но с людьми из стражи лучше было не вступать в разногласия, и Илья любезно заговорил:

– Здрости. Я из леса, а иду в город, – тут Илья, слегка почесав затылок, призадумался над своей содержательной историей. Подумал, что нужно добавить ещё что-то. Но в этот момент другой служащий с необычайной скоростью и мастерством скинул с плеча мушкет и с огромной силой ударил Илью в живот.

– Оу-у... Ухх... – слышались голоса пчеловодов.

А Илья хотел бы что-то сказать, но в этот момент, сломленный пополам, он лежал на утопанной земле и, широко открыв рот, пытался хоть как-то вздохнуть.

– Что встали? В камеру его, – скомандовал тот, который его ударил. Но как он выглядел, Илья не видел. Он мог разглядеть лишь его вычищенные до блеска чёрные сапоги.

Рядом добавилось ещё четыре пары таких же чёрных сапог, но уже грязных и запылённых. Те четверо с непринуждённой лёгкостью подняли Илью с земли и потащили в город.

– Что это за хрен такой?

– Узнаем.

– Говорит, из леса пришёл.

– Откуда из леса?

– Узнаем, – и тот, кому принадлежали эти слова, больно ударил Илью костяшками кулака по затылку.

Илья аж взвыл от боли. Но каждый раз, как он издавал звуки, его били и били в одно и то же место по голове. Так что уже на пятый раз – и самый болючий – Илья проглотил боль и оставил её в себе.

– Умница. Быстро учишься, – посмеялся тот, что его постоянно колотил по голове. – Ну, ничего, посмотрим, как ты запоёшь на допросе, – за этими словами последовал ещё один удар, от которого у Ильи чуть глаза от боли не выпали из глазниц и не покатались по красным ступенькам из кирпича вниз скорее его самого.

Идущий первым стражник толкнул толстую деревянную дверь, и та со скрипом открылась нараспашку. За ней красная лестница вышла на небольшой балкон высокого и широкого зала, по краям которого были размещены с десятка три железных клеток, в которых было нельзя ни встать в рост, ни лечь, вытянув ноги. Также Илья заметил, что некоторые клетки нашли своих жильцов.

Глаза впалые, свисающие жидкие волосы с клоком вырезанного скальпа. Та женщина из одной такой клетки провожала Илью своим взглядом, давно потерявшим все надежды. Илья не мог понять, кого он страшится больше: людей, что привели его сюда, или эту женщину.

– Сажай давай его, – скомандовал мужской голос с начищенными сапогами.

«Как часто он полирует свои сапоги, если работает в такой грязи?» – сам не зная почему, но Илья всерьёз задумался над этим вопросом. Он-то работал охранником в элитном комплексе и там мучился из-за своей грязной обуви, которую приходилось чистить как минимум два раза в день. «А тут, в этих условиях, это же настоящий кошмар».

Илью усадили на грязное, заляпанное старой и новой кровью массивное кресло, по виду напоминающее чем-то зальный трон. Но оковы, что тут же защёлкнули на его ногах и руках, говорили о том, что это всё-таки не королевский трон.

– Говори, – снова заговорил их командир.

– Как часто вы начищаете свои сапоги, что они так блестят? – выпалил Илья первое, о чём и думал. А также другая его мысль ему тут же подсказала, что зря он это сказал. Очень даже зря.

И судя по тому, как посмеялись люди вокруг и тут же, изо всех сил сдерживая смех, притихли, Илья согласно сам себе покивал головой.

Теперь Илья увидел не только сапоги старшего солдата, но и его искривлённую улыбку на суровом, обросшем недельной щетиной человеке, который за свою долгую жизнь причинил другим людям очень много физической боли. А такое бесследно не проходит, всё отпечатывается в наших глазах и чертах лица.

«Очень даже зря».

Илью никогда и никто не бил, что может быть странно, учитывая его профессию. Но там, где он работал, ему нужно было только улыбаться и открывать важным персонам двери, чтобы эти персоны себя могли чувствовать ещё более важными и, может быть, чуть-чуть выше ростом. А в те невероятно редкие случаи, когда Илье как охраннику приходилось что-то делать – вора ловить или утихомирить жену, избивающую до смерти мужа, застигнутого со своей молодой шаболдой, – Илья дул в свисток, и приходили уже настоящие охранники. Те, какие сейчас не жалели своих сил, избивая его во все места.

Это было чертовски больно, так больно, что Илья не смог бы описать или сравнить эту боль ни с чем. Дали бы ему хоть день, хоть неделю, но описать свою боль он бы не смог. Он пытался защититься, но его руки были в оковах, и он мог только принимать и принимать на себя удары. Столько, сколько бы пожелал тот мужчина в начищенных до блеска сапогах.

Странно, но эти сапоги Илья видел и сейчас, в данной, не совсем уместной ситуации. Их и глаза той женщины, что всё время смотрела на него, не моргая. Когда были секунды между ударами, Илья втайне молился, чтобы его не кинули в клетку к ней. Хотя всё это было больше похоже на большое недоразумение. И когда всё выяснится, то его сразу же отпустят.

Илья клялся, что он не будет ни на кого писать не единой жалобы. Лишь бы его только перестали бить и отпустили домой.

– Хватит, – приказал главный страж. – Ну что, умник, не хочешь ещё повеселить моих ребят?

– Вы что творите? Какого хрена?! – плюнув кровью себе на брюки, простонал Илья.

– Где Пёс? – рявкнул глава стражи, не обращая внимания на Илью. – Живо его сюда.

Трое из шести его подчинённых тут же сорвались со своих мест и побежали к выходу из темницы. Когда дверь громко открылась с ноги и в неё буквально как ветер ворвались две охотничьи собаки, полумрачную темницу тут же заполнил лай собак, отчего уютнее здесь не стало. Даже сама стража, все, кроме их лидера, содрогнулись и попятились к стенам. А Илья, когда увидел, как быстро собаки прыгнули с балкона и побежали к нему, почувствовал, что под ним вдруг стало тепло и мокро.

– Сидеть, – прозвучал властный хриплый голос сверху, и его питомцы ослушаться не посмели. Две здоровенные овчарки сели прямо рядом с Ильёй. И, смотря ему прямо в глаза, то скулили, то рычали. – Молодцы. Хорошие мальчики.

Мужчина в кожаных штанах и жилетке медленно и не спеша спустился к ним вниз. На его руках и лице можно было видеть множество давно затянувшихся шрамов от собачьих и Бог знает чьих ещё клыков и когтей. Он шёл не спеша, сперва улыбнулся и поклонился сидевшей в клетке даме, которая тут же отпрыгнула к дальней стенке своей клетки. А затем, резко повернувшись к самому ближайшему стражнику, громко и внезапно рявкнул на него:

– Сидеть!

У молодого парня тут же подогнулись ноги в коленях, и он вмиг оказался на бетонном полу. Остальные его сослуживцы сделали ещё по одному шагу назад. Зато их босс чуть живот не надорвал от смеха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.